

«ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ»: МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Винник Д.В.

В статье обсуждается так называемая «проблема сознания». Выявляется ее метафизическое и естественнонаучное содержание. Анализируются редуктивные теории сознания как попытки элиминации ментального содержания. Предлагаются концептуальные контуры общей теории сознания как комбинации различных частных теорий сознания, решающей отдельные философские проблемы.

Ключевые слова: философия сознания, ментальные состояния, интенциональность, теория сознания, эмерджентизм, функционализм

Прежде чем обратиться к так называемой «проблеме сознания», представляется целесообразным познакомиться с основными понятиями такой области философии, как *философия сознания*. Обычно считается, что современная философия сознания (philosophy of mind) является направлением аналитической философии, сформировавшимся вокруг психофизической проблемы. В философии сознания эта проблема решается с использованием таких философских понятий, как события, состояния, свойства, отношения, акты, содержания, функции, а также психологической, физиологической и логико-математической терминологии.

Впрочем, философия сознания, очевидно, уже вышла за рамки аналитической философии, – она является методологией для психофизических и когнитивных наук. Здесь следует отметить, что достаточно тяжело провести различие между конкретно-научными теориями сознания и философскими концепциями сознания. Первые нередко в действительности принадлежат ко второму типу, а доктрины второго типа тяготеют к первым, теряя свою философскую специфику. Существует точка зрения, согласно которой философия сознания является метатеоретической дисциплиной, в том смысле, что непосредственный предмет ее исследования есть не столько такая пре-

дельно абстрактная сущность как сознание, сколько конкретные концепции, так или иначе описывающие и объясняющие ментальные явления. Эти концепции исследуются с точки зрения логической непротиворечивости, теоретической полноты и эмпирической адекватности. Этой точки зрения придерживались М. Мамардашвили и А. Пятигорский: «Строго говоря, в философии сознания... – мета-теория занимает место теории. Необходимость этого диктуется, между прочим, и тем, что в философии сознания отсутствует оппозиция “субъективное/объективное”, обязательная почти для любой теории в философиях классического типа. Разумеется, слово «объективное» здесь употребляется и в смысле “специфический объект”: у философии сознания нет своего специфического объекта, поскольку сознание не есть объект, а любой другой объект теряет свою специфичность, будучи соотнесен с сознанием» [1].

В действительности в философии сознания присутствуют как теоретические, так и метатеоретические конструкции и точки зрения. Однако теоретические построения о природе сознания, о его связи с физической реальностью все-таки носят преимущественный и первичный характер. С нашей точки зрения утверждение, что у философии сознания нет специфического объекта, носит произвольный характер и не оставляет возможность в объективации сознания в виде ментальных свойств, событий, процессов, функций и т.д.

Представляется целесообразным прояснить значение термина «сознание», фигурирующего в названии данного философского направления. В действительности термин “mind” можно перевести как «разум», «ум», «сознание» «психика». Однако так сложилось, что в отечественной философии устоялся перевод этого слова с помощью термина «сознание». Как справедливо заметил в свое время С. Франк: «Слово “сознание”, которое на первый взгляд все понимают одинаково, т.е. относят к одному и тому же кругу явлений, в действительности есть одно из самых многозначных и неопределенных слов человеческого языка» [2]. Дело в том, что слово «сознание» является одновременно и философской категорией, и научным термином, причем термином неоднозначным.

Во-первых, в психологии и психиатрии под сознанием понимается некое вполне конкретное психическое состояние, противоположное состояниям сна, обморока и комы, одним словом, – бессознательным состояниям. Аналогичным образом мы используем это понятие в повседневности в таких словосочетаниях, как «потерять соз-

вание», «прийти в сознание», «дошло до сознания», «осознал» и т.п. Предполагается, что в основе этого состояния лежит некоторая психическая функция, обычно именуемой функцией самосознания или рефлексии.

В отличие от психологии и психиатрии, нейрофизиология определяет сознание как специфическое состояние активности мозга, коррелятивное указанным выше психическим состояниям: «С точки зрения нейрофизиологии сознание – это нестационарная активность мозга, характеризующаяся малоамплитудными нерегулярными пульсациями с характерной частотой 20-70 Гц. Это контрастирует с бессознательными состояниями (глубокий сон, кома, общая анестезия, эпилептическое состояние), для которых характерны более или менее упорядоченные высокоамплитудные пульсации на частотах ниже 4 Гц» [3].

Существуют и более современные нейрофизиологические определения сознания, использующие понятия теории игр и кибернетики: «Сознание – это имитатор (или генератор игры), который позволяет мозгу использовать в процессе обработки приходящей информации опыт, которого никогда не было. В процессе использования такого “опыта” мозг может включать или отбрасывать различные эмоции и восприятия (к примеру, боль). Рождающийся в результате игры новый опыт может в дальнейшем послужить причиной галлюцинаций и мнимой памяти» [4].

Во-вторых, слово «сознание» употребляется как существительное, выражающее конкретный объект, например в словосочетаниях «в сознании параноика», «его сознание так устроено». В данных примерах речь скорее идет о личности конкретного человека, о его психике как единстве ментальных актов различных типов и уровней организации. Под сознанием может пониматься и не психика в целом, а только высшая – когнитивная часть психики, содержание которой доступно рефлексии.

В-третьих, слово «сознание» используется как философская категория в таких словосочетаниях как «общественное сознание», «форма сознания», «сознание вторично» и «манипулирование сознанием». В большинстве этих примеров под сознанием понимается психическое содержание, рассматриваемое с предельно общих, надындивидуальных позиций.

Таким образом, нами отмечается, что, с одной стороны, в языке конкретных наук и даже в повседневной речи под сознанием понимается лишь определенная психическая функция, с другой стороны –

психика в целом как единство различных психических актов различных типов и уровней функционирования. По этой причине, как доказывает Д.И. Дубровский, более адекватным переводом термина “mind” является термин «психика», а не «сознание».

Следует обратить внимание на еще одно, предельно специфичное понимание понятия сознания. Оно не носит ни классического онтологического, ни гносеологического понимания в привычном смысле этого слова. Судя по всему, оно проистекает из отношения к философской рефлексии как некоему онтологическому явлению. Существуют философы (принадлежащие к самым разным школам и направлениям), определяющие или описывающие сознание как некий совершенно особый, чрезвычайно трудноуловимый динамический феномен. Эти описания по своей условной модальности и парадоксальности очень напоминают описания понятия нирваны в буддийской религиозной философии, а определения – отрицательные определения бога в апофатическом богословии. Из этого, конечно же, не следует, что данные определения и описания сознания носят религиозно-философский характер. Упомянутые М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский относились именно к таким философам. Вот как «Трех беседах о метафизике сознания» [5]. Пятигорский описывает совместный с Мамардашвили подход к описанию сознания: «В нашем подходе лежит принцип сплошной и последовательной *неклассифицируемости*. То есть когда я думаю, что совершается переход от понятия “сфера сознания” к понятию “состояние сознания” или от понятия “сферы сознания” к понятию “структуры сознания”, то это не значит, что этот переход может рассматриваться как логически классификационный. Новые понятия выступают как новые конкретизации самого нашего понимания, а не его объекта» [6] и, «говоря о сознании как своего рода *универсальном дубликате* психических объектов и процессов, мы предполагаем, что “состояние сознания”, как вводимая нами категория, *не содержительна по преимуществу*» [7]. Придерживаясь последовательных скептических позиций, авторы отказываются от использования не только естественных классификаций, но и всяческих устойчивых концептуальных каркасов.

М.К. Мамардашвили высказал точку зрения, согласно которой концептуальные структуры являются как раз результатом своеобразно понимаемого выхождения за пределы сознания: «По сути дела, область интеллектуальных структур и лингвистических оппозиций можно определить как область механических обработок,

“сбросов”» сознания в смысле различения, скажем, между панцирем насекомого, который насекомым может быть оставлен, и самим насекомым, а интеллектуальные структуры рассматривать как нечто, куда сознание привело человека и где *она* его оставило или где он из него вышел. С этой точки зрения можно было бы выразиться и иначе: когда человек переходит к устоявшейся структуре языкового мышления, то сам факт, что он остается в данном состоянии языкового мышления, свидетельствует о том, что он вышел из сознания, т.е. что он покинул какую-то структуру сознания, мы могли бы предполагать, что какие-то структуры языкового мышления связаны с отсутствием сознания, нежели с его присутствием» [8]. Таким образом, согласно точке зрения авторов, концептуальные структуры сами являются продуктами сознания, а следовательно, условными и неполными способами описания объекта, который их генерировал.

Несмотря на скептический подход, оба философа находят возможность дать положительные описания сознания. Так, Мамардашвили описывал сознание как некий динамический рефлексивный феномен: «Сознание вообще можно было бы вести как динамическое условие перевода каких-то структур, явлений, событий, не относящихся к сознанию, в план действия интеллектуальных структур, ... также не относящихся к сознанию» [9]. Пятигорский считал, что сущность феномена сознания не только нефизическая, но и непсихологическая по своему содержанию: «*Сознание – это не психический процесс* в классическом психофизиологическом смысле слова... Еще в глубокой древности в середине первого тысячелетия до новой эры буддийские мыслители предполагали, что сознание не есть *один* из психических процессов, но что оно есть уровень, на котором синтезируются *все* конкретные психические процессы, которые на этом уровне *уже* не являются самими собой» [10]. Если в данном высказывании можно увидеть аналогию с более или менее привычной идеей трансцендентального единства апперцепции И. Канта, то следующее высказывание носит абсолютно радикальный характер: «Мне представляется, что есть такие “состояния сознания”, которым соответствует отсутствие какого-либо *осознаваемого содержания*» [11]. Это представление прямо противоречит почти повсеместно принятому тезису о том, что всякое состояние сознания является интенциональным в том смысле, что оно является объектным, т.е. содержа-

тельным. Таким образом, это высказывание можно расценивать как бунт против всей традиции европейской онтологии и метафизики.

Таким образом, это специфичное понимание понятия сознания, фигурируемое в текстах Мамардашвили и Пятигорского может быть описано и как психическая «безличная сила» [12], и как динамический феномен, проявляющийся в психике в виде рефлексии, и как *всегда* потенциально возможный рефлексивный уровень по отношению к *любому* содержанию, и как совершенно объективная универсальная психическая структура, поддерживающая и координирующая психические акты, и как метатермин. С нашей точки зрения, такое понимание сознания демонстрирует совмещение двух трудно совместимых особенностей: последовательного скептического антиредукционизма и глубокого метафизического духа.

Так же в философии сознания широкое распространение получили термин «ментальный», применяемый по отношению к психическим свойствам, состояниям, отношениям, функциям и т.п. с целью отделить их от аналогичных физических сущностей. Какой-то специфической смысловой нагрузки это прилагательное, очевидно, не несет, являясь синонимом прилагательного «психический».

В содержание понятия «*ментальное событие*», или «*ментальный факт*» обычно включают различные *ментальные акты* (апперцепции: представления, воображения, воспоминания, мышления) и пассивные психические состояния (перцепции: переживания боли, эмоциональные состояний, желания, страхи и пр.). Эпистемический статус объективности ментальных фактов неоднозначен, поэтому ментальным фактом может называться любое утверждение, просто претендующее на объективность высказывания относительно психического события.

Понятие *ментального состояния*, или *состояния сознания* используется в нескольких смыслах. Во-первых, под ним понимается обладание психикой в определенный интервал времени неким изменчивым качественным содержанием. В этом смысле под ментальными состояниями понимаются все физические ощущения и эмоциональные состояния. Во-вторых, под этими состояниями понимаются сами события проявления указанных физических ощущений и эмоций. В-третьих, под ментальным состоянием понимается обладание сознанием неким интенциональным содержанием, т.е. убеждение в чем-то, верование во что-то, конкретные страхи и желания. В этом значении оно используется как синоним *пропозициональных установок* и ин-

тенциональных состояний, например: «субъект находится в ментальном состоянии веры, что S есть P ». Характерно, что убеждения относительно разных вещей будут разными интенциональными состояниями, даже если эти разные вещи на самом деле являются одним объектом. В-четвертых, когда используют понятие «состояние сознания», обычно имеют в виду некие макросостояния психики, например, настроения. В этом же смысле данное понятие используется, когда говорится об измененных состояниях сознания, пограничных и клинических состояниях психики как целого. В физикалистских и функционалистских теориях понятие ментального состояния может использоваться как синоним понятий физического и функционального состояния соответственно, проявление которых рассматривается на уровне ментального содержания. Обоснование такого словоупотребления можно обнаружить у Дж. Фодора: «Как бы существенным ни было для некоторых целей различие между состояниями организма и состояниями его нервной системы, нет никакой конкретной причины предполагать, что оно будет существенным для целей когнитивной психологии...состояния организма, постулированные в когнитивных теориях, не могли бы рассматриваться в качестве состояний организма для целей, скажем, теории юридической или моральной ответственности, ну так и что из того? Важно то, что они могут считаться состояниями организма для некоторых полезных целей. В частности, важным является то, что они должны считаться состояниями организма для целей конструирования психологических теорий, которые окажутся истинными» [13]. Таким образом, в рассматриваемом контексте понятие ментального состояния соотносимо с понятиями события и качества, к которым их нередко сводят. Это составляет своего рода понятийную проблему в тех случаях, когда следует указать на тождество физического и ментального события и различить их качественное содержание.

При описании психики конкретного субъекта под понятием *ментального свойства* обычно имеют в виду субъективно воспринимаемые качества собственных психических состояний. Эти качества включают в себя чувственные переживания наших ощущений, эмоциональные состояния и аффекты. Так же под ментальными свойствами понимаются нефизические свойства психики, такие как непротяженность, темпоральность (неустранимость потока сознания), рефлексивность, интенциональность, эпистемический доступ от первого лица и пр. Характер соотношения физических и психических свойств

является глубоко полемичным в современной философии. Радикальные материалисты отождествляет их онтологически, сторонники нередуктивного материализма разделяют.

Понятие *ментального содержания* применяется по отношению к *репрезентациям*, *чувственным данным*, или *кволиям*, пропозициональным установкам и *интенциям*. Под ментальным содержанием может пониматься вообще любое содержание психики, как сознательное, так и бессознательное, однако обычно имеется в виду именно содержание сознания, то есть то, что является феноменальной данностью. Различается *узкое содержание* (*narrow content*), под которым понимаются исключительно внутренние состояния субъекта, и *широкое содержание* (*wide content*), включающее в себя информацию из внешней среды. Какой тип содержания онтологически первичен, является предметом многочисленных споров.

Под *чувственными данными* (*sense datum*), или кволиями (*qualia*) в первую очередь имеются в виду ощущения в «сыром» виде – в виде чистых феноменальных данностей безотносительно к источнику их происхождения (объективное восприятие, воображение, иллюзия или галлюцинация).

Под *репрезентациями* понимаются представления, понимаемые в самом широком смысле. К репрезентациям относятся как текущие чувственные восприятия, так и воспроизведенные с помощью памяти и дополненные с помощью воображения. Так же к репрезентациям может быть отнесено содержание когнитивных состояний сознания, обладающих неким референтом, то есть то, что часто понимается под идеями.

Термин «*теория сознания*» обычно используется применительно не только к естественнонаучным теориям сознания, но и по отношению к философским и психофизическим концепциям. Несмотря на то, что в настоящем тексте по отношению к философским конструкциям предпочтение отдается термину «концепция», термин «теория» также будет использоваться. Также «теория сознания» используется, аналогично «теории познания», как синоним философии сознания.

Как было указано выше, философия сознания тесно связана с конкретно-научным знанием. По отношению к определенным научным дисциплинам она выполняет методологическую функцию, у других заимствует теоретическую аргументацию и эмпирические данные в целях придания полноты своим концепциям. Это психофизиология, нейрофизиология, этология, психология, психиатрия, кибернетика,

когнитивные науки, теория систем, теория информации, логика и математика. Очевидно, что все перечисленные дисциплины тяжело подвести под один класс – настолько сильно различаются их предметные области и методология. Как Единственное, что их объединяет, это так называемая *проблема сознания*, которая в той или иной форме встает в каждой из перечисленных дисциплин. Очевидного консенсуса относительно того, что является проблемой сознания, в научном сообществе нет.

Вот как, например, представляет проблему сознания в науке Е.Алексеева: «Тот стиль научного исследования, который ныне господствует, неспособен в одном, логически гомогенном исследовании объединить эти две разные вещи – то, как мы исследуем физические явления и достигаем их объективного понимания, и то, как мы при этом способны понимать – научно, объективно, те сознательные и жизненные явления, которые наблюдаются в исследовании и понимании первых (т.е. физических явлений), (как, впрочем, и помимо этого). А определенная унификация средств анализа двух рядов явлений – ряда физического и ряда сознания (т.е. фактически объединение тем самым в один двух циклов наук – наук физических и наук о жизни и сознании) явно необходима: интеллектуально удовлетворительная, полная картина мира не может терпеть внутри себя такого пробела» [14]. Следует отметить, что тезис о необходимости унификации средств анализа и достижения «логической гомогенности» является весьма спорным.

Некоторые авторы справедливо видят проблему сознания как логико-лингвистическую невозможность радикального перевода терминов языка одной науки на язык другой. Закономерно опасение, что то, что мы называем проблемой сознания, на самом деле есть множество вообще совершенно самостоятельных проблем. «Сознание» физиолога, «сознание» интроспективного психолога и «сознание» бихевиориста оказываются настолько разными понятиями, что утверждения об их логико-методологическом единстве могут оказаться не более чем попыткой выдать желаемое за действительное. Исследователь в области этологии Ж.И. Резникова пишет: «Слово “сознание” заключает в себя определенную двусмысленность. Физиологи часто употребляют это слово, чтобы обозначить состояние нормальной активности в противоположность “бессознательному” состоянию или сну. Для психолога же “сознание” означает осознание чего-то, т.е. внимание к чему-то... Кроме того,

многие исследователи полагают, что сознание нельзя сводить к знанию своих чувственных восприятий» [15]. Действительно, проблема сознания в науке есть проблема множественная, ее характер зависит от соответствующей предметной области.

Существует еще более сильная точка зрения, высказанная в работах Э. Гуссерля, согласно которой в рамках науки эта задача принципиально неразрешима, поскольку существуют «несводимые классы познаний», каждому из которых соответствуют свои автономные методы и самостоятельные понятия. Это эпистемическое ограничение удачно изложил Д. Дубровский: «...явления сознания могут адекватно описываться лишь средствами естественного языка, художественной литературы или с помощью философских и психологических терминов, выражающих понятия ценности, интенциональности, смысла. Однако последние не имеют прямых логических связей с основными понятиями естествознания, посредством которых описываются нейрофизиологические процессы, протекающие в головном мозге, функционирование отдельных его структур и целостная деятельность головного мозга как материальной системы. Сюда относятся понятия массы и энергии, всевозможные пространственные характеристики, понятия физической причинности и химического взаимодействия, которые не могут служить для описания феномена сознания» [16]. По нашему мнению, если согласиться с этой точкой зрения, можно сделать вывод, что нам следует стремиться к дополнительнойности анализов физических, поведенческих и чисто психических явлений, а не к «гомогенности», к которой призывает Е. Алексеева.

Подобной точки зрения придерживался Ф. Бассин. Он видел корни проблемы во взаимной подмене двух совершенно самостоятельных видов понятий сознания: онтологическом и гносеологическом: «Одновременное существование двух разных смыслов понятия сознания – онтологического и гносеологического – не содержит внутреннего противоречия, ибо применяются эти разные смыслы при рассмотрении сознания в разных аспектах. Путаница возникает лишь тогда, когда гносеологический смысл проникает в естественнонаучные трактовки (или наоборот) и когда в результате именно такого логического соскальзывания начинают спорить, на каком уровне филогенеза “сознание” впервые возникает: у губок (по Лукасу), у червей (по Далю), у рыб (по Эдинггеру) и т.д.» [17].

Р. Рорти считает проблему сознания современной и отличает ее от проблемы персонального тождества: «Вопросы вроде тех, “как

интенциональные состояния сознания соотносятся с нервными состояниями” и “как феноменальные свойства, такие, как болезненность, соотносятся с неврологическими свойствами”, являются частями того, что я называю “проблемой сознания”. Эта проблема отличается от таких дофилософских проблем о персональном тождестве, вроде “являюсь ли я на самом деле только массой плоти и костей?”, и о таких философских проблем греков о познании, как “Откуда мы достоверно знаем об изменении?”» [18].

Существуют ученые, которые считают основной проблемой само стремление привлечь внимание к «проблеме сознания». Так, известный немецкий адепт синергетического объяснения деятельности головного мозга Г. Хакен описывает этот феномен своеобразного эпистемического нигилизма следующим образом: «Еще одна проблема, которую я умышленно обошел молчанием, – сознание...эта проблема возникала снова и снова по крайней мере через каждые пятьдесят лет. По своему собственному опыту я знаю, что чем ближе область собственных исследований ученого к исследованию мозга, тем реже этот ученый говорит о проблеме сознания. Таково общее положение дел. Разумеется, не обходится и без исключений. Тем не менее создается впечатление, что все, кто так или иначе связан с исследованием активности мозга, весьма неохотно обсуждают проблему сознания. В качестве контрпримеров можно назвать Крика и Коха (1990), а также Эдельмана (1992). Все они предложили различные научные подходы к проблеме сознания, но лично я предпочитаю оставить ее без обсуждения. То же относится к таким свойствам, как восприятие цвета или ощущение боли. По моему мнению, эти свойства не поддаются (по крайней мере в настоящее время) математическому моделированию в указанных выше направлениях» [19].

Наблюдения Хакена очень характерны и отражают саму суть проблемы, по крайней мере, для физиологии. С одной стороны, некоторые феномены (в данном случае ментальные), с которыми сталкиваются исследователи, являются сугубо качественными, не поддающимися практически никакому количественному измерению. С другой стороны, эта проблема является настолько сложной и глубокой, что ее предпочитают воспринимать как проблему отложенную, непроницаемую для современного научного знания, что и создает своеобразный заговор молчания, о котором пишет Хакен. Для современных поколений ученых более актуально заниматься

частными проблемами ради общего дела, а не смущать себя кардинальными вопросами.

В философии наиболее выразительно описанную Хакеном тенденцию выразили некоторые отечественные мыслители, например В. Молчанов, а также неоднократно упомянутые М. Мамардашвили и А. Пятигорский. Они описали проблему сознания как некоторую насущную необходимость «избавления» от сознания, или «борьбы» с сознанием как для философии, так и для науки. Вот как Молчанов описывает научные попытки «избавиться» от сознания: «Сознанием, напротив, все время занимались и занимаются: или приписывают ему физиологические внутренности, или заключают в оболочку социального опыта, или разбивают на первичные элементы – психологические, если это ощущение, или структурные, если это члены “бинарных оппозиций”. Эти “занятия с сознанием” имеют тем не менее общую целевую установку – избавиться от сознания. Все виды перечисленных отождествлений подразумевают: сознания нет, есть лишь: а) неврофизиологические процессы, структуры мозга и т.п., б) социальные связи, а то, что называют сознанием, суть “сублиматы”, с) элементы-ощущения, ничем, по-существу, не отличающиеся от других элементов-ощущений – внешних тел, д) знаковые системы» [19].

М. Мамардашвили и А. Пятигорский утверждают следующее: «Особую роль играет некоторая внутренняя отрицательная способность, выражающаяся в своего рода “борьбе с сознанием”. Борьба с сознанием происходит от стремления человека к тому, чтобы сознание перестало быть чем-то спонтанным и самодействующим. Сознание становится познанием, и на это время (слово “время” здесь не имеет физического смысла) перестает быть сознанием, и как бы становится метасознанием, – и тогда термины и утверждения этого последнего мы условно назовем метатеорией. И то, что нас с необходимостью толкает к метатеории сознания, есть необходимость борьбы с сознанием» [20]. Это происходит повсеместно: «Мы говорили о борьбе с сознанием и тем самым фактически имели в виду очень распространенный и широко наблюдаемый факт, что масса процессов сознания недифференцированно, – связана с разрушением существующих объективаций, с одной стороны, а с другой стороны – психологических кристаллизаций, которые приписываются в виде свойств субъекту» [21].

Действительно, данные авторы полагали, что в философии сознания метатеория занимает место теории. Из этого следует, что

сознание следует исследовать в первую очередь как «сознание», т.е. как термин объектного языка некоторой теории. Предполагается, что в критике объектных теорий и заключается указанная «борьба».

Впрочем, как пишет Молчанов, существует и другая тенденция в «освобождении от сознания» – объявить его помехой: «Сознание мешает: философу поздней античности чувствовать мысль, юноше Г. Клейста стать марионеткой своего грациозного тела, мыслителю, “изменившему образ современной философии” (образ – это верно, но не смысл), вслушиваться в Бытие» [22]. Таким образом, В. Молчанов своеобразно описывает два способа «борьбы с сознанием»: рациональный и иррациональный. Следует оговориться, что второй способ, заключающийся в декларации и культивировании примата бессознательных и инстинктивных стремлений над сознательными намерениями, в рамках настоящей работы рассматриваться не будет. Подобные иррациональные стремления следует скорее трактовать не как борьбу, но как капитуляцию перед феноменом сознания. Рациональную «борьбу с сознанием» следует понимать как явление вполне рациональное, совершающееся на двух уровнях: философском и научном. В философии это делается с помощью рефлексии, благодаря которой оказывается возможным вычленить некоторые содержательные структуры сознания. В данном случае сознание познается и упорядочивается в рамках самого же сознания благодаря сознанию более высокого рефлексивного ранга. В науке это происходит благодаря процедуре теоретической редукции. Подобную точку зрения можно увидеть в утверждении психофизиолога Н.Н.Даниловой: «Что бы понять сознание, нужно выйти за его пределы» [23].

Мамардашвили придерживается подобной же точки зрения: «Проблемой стало сознание – место, природа, содержание и вообще самый смысл понятия “сознание”. Мне кажется, понимания можно было бы достичь простым показом того, что оставаясь в рамках сознания, т.е. такого способа описания, который не вводит нечто находящееся вне сознания как субъектно-объектной реальности, нельзя решить проблему сознания. Хотя многие современные авторы и повторяют, что субъект и объект едины, что есть сфера, в которой субъект неотделим от объекта, но в той мере, в которой мы оперируем такой техникой, которая за точку отсчета берет данности сознания или данности в сознании, мы неминуемо оказываемся в рамках парадоксов. Один я уже назвал: мы сознанием называем

явно что-то несознательное, приписываем сознанию черты чего-то явно сознанием не являющегося. Во-вторых,... Спиноза говорил, что фактически для того, чтобы знать, я должен уже знать, почему мне нужно это узнать, а для того, чтобы знать, почему мне нужно это знать, я должен знать, что я хочу узнать, и так до бесконечности» [24].

В действительности в различных конкретно-научных теориях и философских концепциях так называемая проблема сознания проявляется индивидуально как на уровне эпистемологии, так и на уровне формальных выразительных средств научных теорий. Последний фактор весьма важен: граница между теоретическими терминами и терминами наблюдения в различных теориях может различаться очень существенно – вплоть до полной инверсии (то, что в рамках одной науки считается термином наблюдения, в рамках другой является термином теоретическим) [25]. По этой причине мы считаем, что сформулировать общий существенный признак, позволяющий формально определить некую единую «проблему сознания» для научного знания, очень затруднительно. Представляется более целесообразным рассмотреть каждую теоретическую проблему по отдельности и показать содержательные связи между ними на метатеоретическом уровне. Этим метатеоретическим уровнем является философия сознания, а упомянутые теоретические проблемы – фундаментальными проблемами последней.

Многообразие конкретных форм проявлений человеческой психики очень велико. Благодаря этому разнообразию возможен феномен человеческой индивидуальности как некой уникальной комбинации психических свойств и характеристик, как некой уникальной структуры личности. Однако, несмотря на разнообразие и недоопределенность психических проявлений, они носят типический характер и подвергаются обобщению. Двумя наиболее общими классами ментальных состояний являются классы состояний качественных и интенциональных. Насколько эти классы являются естественными, является спорным вопросом. С феноменологической точки зрения очевидно, что множества качественных и интенциональных состояний пересекаются. Существуют чисто качественные состояния (не обладающие интенциональной структурой) и интенциональные состояния, не обладающие выраженной качественной спецификой, однако, подавляющее большинство ментальных состояний может быть квалифицировано и как качественное, так и как интенциональное. Это означает, что большинство ментальных состояний обладает как каче-

ственным, так и интенциональным содержанием. Качественное содержание носит относительно простой характер, выражаемый в форме предикатов, интенциональное – модальный и интенциональный. Различие типов содержания несет весьма существенную эмпирическую нагрузку. Современные физические методы детекции состояний головного мозга позволяют достаточно успешно определять многие актуальные качественные состояния субъекта (боль, восприятие определенных цветов, общих характеристик звуков, зрительного восприятие определенных объектов, эмоциональные состояния), и здесь достаточно ясно видны теоретические возможности расширения области применения и точности этих методов в будущем. Существующие знания и методы вплотную приблизились к возможности вести мониторинг перцептивного и эмоционального состояния человека в режиме реального времени. Однако до сих пор не существует эффективных методов определения интенционального содержания с помощью физических средств. Точнее говоря, современные знания в области психофизиологии позволяют определить тип интенционального состояния (страх, желание, убеждение, арифметические вычисления, воспоминание, воображение и т.п.), но не позволяют определить конкретное содержание состояния. Несмотря на развитие вычислительных средств обработки психофизической информации и повсеместное признание того, что мозг является вычислительной машиной, непосредственно регистрируются только аналоговые макрофизические показатели (локальный кровоток, частотные характеристики электрической активности и пр.). При соответствующей настройке оборудования на конкретного человека, в том числе используя технологию обратной связи, существует возможность с некоторой вероятностью различать истину и ложь, считывать небольшой набор произносимых слов. Однако, до тех пор, пока нам не известен принцип кодирования информации головным мозгом, как на уровне синтаксиса, так и на уровне семантики; физическая элементная база мозга как вычислительного устройства, – задача выявления интенционального содержания техническими средствами не является разрешимой.

Таким образом, вопрос о том, существует ли теоретическая возможность определения ментального содержания с помощью физических методов, является вопросом сохранения полноты ментального содержания в результате редукции. Согласно редуктивному физикализму все ментальные состояния сводимы к физическим состояниям, значимой разницы между качественными и интенциональными состояниями

не существует. Однако существующие эмпирические данные показывают, что мозг является в высокой степени лабильной системой, – области, отвечающие за те или иные психические функции, могут существенно варьироваться; в случае отказа одних отделов мозга, возложенные на него функции могут реализоваться на других отделах. Это дает основания полагать, что ментальные состояния, выполняющие функциональную роль, обладают свойством мультиреализуемости. Данный факт является решающим аргументом в пользу того, что редуктивный физикализм ложен. Однако следует признать, что в некоторых пределах редукционистские теории сознания обладают достаточной объяснительной силой и предсказательными возможностями.

Полноценная дешифровка интенционального содержания возможна только на основании полноценной функционалистской теории, которой на самом деле пока не существует, поскольку нам не известна ни элементная база мозга, ни способ кодирования информации. Поэтому если интенциональные состояния, а точнее интенциональное содержание ментальных состояний редуцируемо, то только к функциональным вычислительным состояниям. Они, следует признать, до сих пор являются философской абстракцией. Как было отмечено, психологический функционализм интерпретирует психологические состояния как функциональные, но не как вычислительные в буквальном смысле этого слова. Физические состояния мозга являются не пустыми философскими абстракциями, но вполне полноценными теоретическими объектами с вполне конкретным эмпирическим содержанием.

Существует конкретно-научный физикализм, но не существует научного функционализма в том смысле, что все функционалистские построения являются философскими концепциями, но не полноценными научными теориями. Создание функционализма как конкретно-научной теории невозможно, пока эмпирически не разрешены вопросы: 1) Какова элементная база мозга как вычислительного устройства?

2) Является ли принцип вычислений аналоговым или цифровым?
3) Каков тип логической системы, на основании которой функционирует мозг и по каким синтаксическим правилам работают алгоритмы? Существует еще и вопрос о том, являются ли семантические установки встроенными в структуру мозга или смысловые значения привносятся извне. Однако этот вопрос носит глубоко философский характер и вряд ли может быть разрешен опытным путем.

Таким образом, функционализм, является желаемой конкретно-научной теорией сознания, поскольку будет максимально удовлетво-

рять потребностям достоверности теоретических предположений о ментальных состояниях на основании физических вычислительных состояний. Если правы семантические интерналисты, к которым, в частности, относятся когнитивисты, утверждающие, что существует встроенная семантика, то задача расшифровки содержания интенциональных состояний теоретически выполнима. Если же правы семантические экстерналисты, согласно которым такой встроенной семантики не существует, то однозначного вывода об интенциональном содержании на основании функционалистской теории сделано быть не может, поскольку возможно множество семантических интерпретаций одного и того же функционального содержания. Таким образом, можно сделать вывод, что искомый функционализм, основанный на интерналистской семантике, является теорией редуктивного типа, а функционализм, основанный на экстерналистской семантике – теорией нередуктивного типа.

Проблема дизъюнктивного характера понятия ментального состояния не может быть разрешена на феноменологическом уровне, поскольку у качественных и интенциональных состояний нет общего существенного признака, кроме как признак «эпистемического доступа от первого лица», который не является удовлетворительным. Вследствие теоретико-познавательной разнородности ментальных феноменов, редукция всех ментальных состояний к физическим состояниям оказывается невозможной, поскольку она основывается на сопоставлении ментальных и физических предикатов, т.е. на редукции качественных состояний к физическим. Однако в рамках редукционистского подхода эта проблема может быть решена с помощью разграничения областей редукции. Качественные состояния следует сводить к физическим состояниям (что иногда успешно делается), а интенциональные состояния – к функциональным состояниям (в перспективе, в случае создания научного функционализма). Впрочем, искомый научный функционализм в потенции является настолько мощной теорией, что будет способен свести к функциональным состояниям ментальные состояния любого типа. В случае создания такой теории надобность в физикализме, как в более слабой макротеории, отпадет.

Однако следует иметь в виду, что функционализм основывается на специфической онтологии отношений. С одной точки зрения, функционализм редуцирует ментальные состояния к функциональным, но с другой – отвергает редукцию функциональных состояний к состояниям физическим, утверждая, что одна и та же функциональ-

ная структура может быть реализована на разных типах физических носителей вычислительных мощностей – как биологических, так и технических.

Если признавать тезис о тождестве ментальных и функциональных состояний, утверждая при этом тождество функциональных состояний с состояниями физическими в каждом конкретном случае, то, принимая такую точку зрения, следует принять концепцию психофизической теории тождества свойств. Если отвергать теорию тождества свойств, следует отказаться от тезиса о полном тождестве функциональных и ментальных состояний, что не исключает рассмотрения отношения их подобия и моделирования ментальных состояний с помощью функциональных.

Таким образом, общую философскую теорию сознания, обладающую наибольшей степенью теоретической полноты и наиболее соответствующую эмпирическим данным, можно описать как комбинацию следующих теорий, содержательно дополняющих друг друга и логически совместимых: атрибутивный дуализм (дуализм свойств), релятивный физикализм (теория тождества событий), эмерджентизм, слабый функционализм (коннективизм), семантический экстернализм. Все перечисленные теории принадлежат к нередуктивному эпистемическому типу.

Признание приоритета нередукционизма в философии сознания не означает полный отказ от использования редуктивных концепций в конкретно-научной деятельности. В конкретно-научной сфере следует признать существенный теоретический потенциал редуктивного функционализма и редуктивного функционализма (когнитивизма), поскольку эти подходы позволяют существенно улучшить точность теоретических выводов о ментальном содержании на основании имеющихся объективных физических данных. Однако следует воздерживаться от абсолютизации теоретических результатов этих подходов в области философской онтологии сознания.

В результате проведенного исследования предложена философская концепция сознания, отвечающая современным эмпирическим данным различных конкретно-научных дисциплин и обладающая наибольшей степенью теоретической полноты. Эту концепцию можно описать как комбинацию теорий, решающих частные философские проблемы, но содержательно и логически совместимых друг с другом. Содержательная часть этой концепции включает в себя следующие компоненты:

- 1) *Атрибутивный дуализм (дуализм свойств)*, решающий гносеологическую проблему природы чувственных данных;
- 2) *Релятивный физикализм (теория тождества событий)*, решающий классическую онтологическую психофизическую проблему;
- 3) *Эмерджентизм*, решающий проблему генезиса сознания;
- 4) *Слабый функционализм (коннективизм)*, решающий проблему вычислительной природы интеллекта;
- 5) *Семантический экстернализм*, решающий проблему природы содержания ментальных состояний.

Примечания

1. *Мамардашвили М.К.* Классический и постклассический идеалы рациональности. – Тбилиси.: Мицниераба, 1984. – С.10.
2. *Франк С.* Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. – С. 469.
3. *Рабинович М.И., Мюезинову М.К.* Нелинейная динамика мозга: эмоции и интеллектуальная деятельность. – 2010. – № 4. – С. 376.
4. Там же.
5. *Пятигорский А.М., Мамардашвили М.К.* Три беседы о метатеории сознания (краткое введение в учение виджяванады) // Пятигорский М.К. Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 61–108.
6. Там же. – С. 85.
7. Там же. – С. 93.
8. Там же. – С. 73.
9. Там же.
10. Там же. – С. 76.
11. Там же. – С. 96.
12. Там же. – С. 110.
13. Цит по: *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. – С. 182.
14. *Алексеева Е.А.* Рациональность и сознание: Историко-теоретический очерк проблемы обоснования рациональности. – Минск, 1991. – С. 4.
15. *Резникова Ж.И.* Интеллект и язык. Животные и человек в зеркале экспериментов. – М.: Наука, 2000. – С. 240–241.
16. *Дубровский Д.И.* Психика и мозг. Результаты и перспективы исследований // Мозг и разум. – М.: Наука, 1994. – С. 3.
17. *Бассин Ф.В.* Сознательное и «бессознательное» // Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 425.
18. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. – С. 26.
19. *Хакен Г.* Принципы работы головного мозга. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – С.312.
20. *Молчанов В.* Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос. – 1992. – № 3. – С. 9.

21. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и Сознание.– М.: Школа: «Языки русской культуры», 1997. – С. 28–29.
22. Пятигорский А.М., Мамардашвили М.К. Три беседы о метатеории сознания. (краткое введение в учение виджяванады). – С. 79–80.
23. Молчанов В. Парадигмы сознания и структуры опыта //Логос.– 1992.– № 3. – С. 9.
24. Данилова Н.Н. Психофизиология. – М.: Аспект-пресс, 2000. – С. 323.
25. Пятигорский А.М. Мамардашвили М.К. Три беседы о метатеории сознания. – С. 81.

Дата поступления 21.02.2011
Институт философии и права
СО РАН, г. Новосибирск
dvin@ngs.ru

Vinnik, D.V. The problem of mind: its metaphysical and scientific content

The paper discusses the so-called “mind problem” and reveals its metaphysical and scientific contents. The author analyses reductive theories of mind as attempts to eliminate the mental content. He suggests a conceptual frame of the general theory of mind as a combination of various special theories of mind which solve isolated philosophical problems.

Keywords: philosophy of mind, mental states, intentionality, theory of mind, emergentism, functionalism